

ДИСКУССИЯ:

ЭФФЕКТИВЕН ЛИ В НАУКЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.14

EDN: OEWKQU

РАНЕСОВЕТСКИЕ «ШАРАШКИ» КАК ЭКСПЕРИМЕНТ СОЕДИНЕНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ И МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК

**Красильников
Сергей Александрович¹**

¹ Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Для цитирования: Красильников С. А. Раннесоветские «шарашки» как эксперимент соединения охранительных и мобилизационных практик // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 176–183. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.14. EDN OEWKQU.

АННОТАЦИЯ

В данной работе анализируются опыт и практики создания в начале 1930-х гг. под эгидой ОГПУ первой институциональной формы эксплуатации интеллектуального потенциала заключённых специалистов в научно-технической сфере в виде ОТБ/ОКБ или т. н. шарашек. Феномен возникновения последних и причины относительной краткосрочности их существования в структуре охранительного ведомства рассмотрен с трёх позиций: в иерархии органов власти и управления «шарашки» вызвали конфликт интересов хозяйственных ведомств с карательными; с институциональной стороны они не обладали потенциалом устойчивости и перспективами развития; с персональной стороны возникавший маргинальный статус заключённых влиял на творческие биографии учёных. Несмотря на практику возрождения в дальнейшем указанных бюро сделан вывод о дисфункциональном характере их формирования и деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

ОГПУ, «вредительство», бюрократические конфликты, «шарашки», мобилизационные технологии, дисциплинирование наказанием

Проблемная ситуация. С позиций системного подхода в социальном институте науки на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. происходили изменения, связанные с мощным и приоритетным воздействием на научную сферу внешних факторов политико-управленческого характера разнонаправленного действия. Наряду с форсированным наращиванием научно-технического потенциала всеми видами ресурсного обеспечения происходили деструктивные процессы, связанные с репрессивно-дискриминационной политикой в отношении корпоративных групп специалистов, в т. ч. учёных, конструкторов, инженеров, обвинённых во «вредительстве». Нами рассматривается возникшая в системе власти ситуация дисфункционального характера, вызванная экспансией охранительного ведомства в научно-техническую сферу путём формирования под своей эгидой сети особых технических/конструкторских бюро («шарашек») из заключённых специалистов.

Подходы к изучению. В историографии в оценке феномена «шарашек» идёт «вялая» дискуссия сторонников противоположных позиций. Одни оценивают создание и деятельность особых бюро как некоторую данность, как не только неизбежное, но и необходимое решение, исходя из обстоятельств самой эпохи «чрезвычайщины», требовавшей применения арсенала всех средств для мобилизации интеллектуального потенциала учёных («иного не дано»), опираясь на отдельные примеры их успешной деятельности. Приводятся рациональные аргументы (специалисты продолжали работать над привычной тематикой с получением результатов в более сжатые, директивно поставленные сроки; для заключённых чекистами создавались благоприятные условия в обеспечении работ необходимыми ресурсами; за достигнутые успехи специалисты освобождались из заключения и т. д.). С позиций других исследователей «шарашки» воспринимаются как экстремальная для учёных, конструкторов и инженеров альтернатива их привычной профессиональной деятельности, поскольку даже в условиях её продолжения это влекло за собой неизбежные деформации в мотивации труда, в изменении статуса (личного и членов их семей), сказываясь затем долгие годы.

Нами феномен ранних «шарашек» рассматривается как девиантный случай, противоречивший самой природе науки как социального института, который не следует считать полноценной институциональной платформой для органичного соединения и реализации научно-технических идей и решений в силу следующих причин: сами причины и условия их формирования возникли из репрессивной практики, то есть вовне данной сферы; чекистские «новации» встретились со значительным сопротивлением и противодействием этому со стороны мощных экономических ведомств, потребовав разрешения конфликтов на уровне решений Политбюро; деятельность «шарашек» носила «точечный», «очаговый» характер, не являвшейся принципиально важным фактором для развития научно-технического потенциала страны в первой половине 1930-х гг.; не следует считать принудительное применение труда специалистов разновидностью профессиональной мобилизации, поскольку, помимо недобровольности, в репрессиях содержались прямые признаки фальсификации.

О девиантности «шарашек». Причинами их формирования следует считать базовую дисфункцию, или нарушение границ деятельности охранительного

тельного ведомства в лице ОГПУ. С 1928 г. охранительные структуры производили вначале точечные, потом групповые аресты; затем перешли к массовым репрессиям в отношении специалистов, обвинённых во «вредительстве» («Шахтинское дело», «дело Трудовой крестьянской партии», «дело “Промпартии”»), создав в результате «кадровый голод» в базовых отраслях экономики: угледобыча, транспорт, металлургия, военная промышленность, энергетика и др. Урон усугублялся тем, что удар наносился по «управленческим штабам», где были сосредоточены ведущие специалисты научно-технической сферы. Деформация в деятельности чекистского ведомства состояла в том, что функциональное обеспечение экономической безопасности подменялось и трансформировалось в «выявление и пресечение организованной контрреволюционной деятельности», тем самым политизируя и криминализируя основную профессиональную деятельность групп интеллигенции.

Кадровому потенциалу в научно-технической сфере был нанесён значительный урон как в силу «изъятий» из и без того немногочисленных высокопрофессиональных корпоративных групп учёных, конструкторов, инженеров, так и в том, что происходили разрывы в отлаженной деятельности тех или иных учреждений и организаций в сферах науки, образования, производства. Считая арестованных, а затем и осуждённых специалистов своим «ресурсом», чекистское руководство рискнуло пойти на создание собственных особых бюро из «вредителей», не имея для этого никакой институциональной основы и тем более производственно-технической базы. Первые «шарашки», созданные в начале 1930 г. в авиастроении и на железнодорожном транспорте, фактически «внедрялись» в уже действовавшие конструкторские и производственные площадки (Центральное КБ на ж. д. транспорте и на авиазаводе № 39). Весной 1930 г. появился совместный циркуляр руководства ВСНХ и ОГПУ о порядке применения профессионального труда «вредителей» на предприятиях крупнейшего хозяйственного наркомата страны (компромиссного характера), где чекистам отводилась скорее надзорно-охранительная функция. Однако через год, весной 1931 г., чекистское ведомство приступило к форсированному формированию сети собственных ОТБ с подчинением себе основного цикла научно-технических работ от проекта до опытного образца, ставя крупные наркоматы в зависимость от чекистской монополизации на заключённых и собственных планов и намерений применения их потенциала.

За короткий отрезок времени (весна – лето 1931 г.) под эгидой Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ возникла сеть до 20-ти различных по профилю своей специализации особых проектных, конструкторских, технических бюро с территориальным их размещением прежде всего в Москве, частично в Ленинграде, Харькове, а также на периферии, включая Новосибирск [1, с. 76]. К осени 1931 г. две трети из них работали для сферы вооружений (авиация, артиллерия, судостроение, военная химия и др.), в них концентрация заключённых была наиболее высокой (от 20 до 60 чел.). Другие бюро, имевшие меньшую численность, создавались для обслуживания ключевых гражданских производств. Все расходы, связанные с деятельностью бюро и содержанием штатов, включая чекистов, охрану и самих заключённых, несли хозяйственные наркоматы и ведомства, в чьих

интересах производились работы. По известной и выявленной нами документации тематика бюро формировалась исходя не от заказчиков, а определялась наличным составом заключённых специалистов по их прежней профессиональной деятельности, из числа которых создавались профильные группы, дополняясь вольнонаёмными специалистами.

Бюрократические торги. Неизбежно возник конфликт между потребностями хозяйственных ведомств и интересами ведомства охранительного в борьбе за самый дефицитный, интеллектуальный ресурс. Феномен бюрократических торгов концептуально описан С. Г. Кордонским, предложившим модель того, как в советском государстве вместо рыночных механизмов формируются административные рынки, где конкуренция между ведомствами за те или иные ресурсы определяется их иерархическим положением в системе власти, а её исход определяется решениями суперарбитра – партийного Политбюро [2].

28 августа 1931 г. председатель ВСНХ СССР С. Орджоникидзе направил в Политбюро записку, в которой счёл ненормальным создание под эгидой ОГПУ целой сети особых бюро, полагая, что «в настоящее время такое использование инженеров нецелесообразно», и предложил «ликвидировать все существующие проектные и конструкторские бюро при ОГПУ, передав их промышленности»¹. В отсутствие пребывавшего на отдыхе Сталина 30 августа Л. Каганович предложил отложить решение вопроса, а руководству двух ведомств согласовать свои интересы. Со своей стороны зампред ОГПУ И. Акулов 7 сентября того же года направил в Политбюро обширную докладную записку с обоснованием ведомственной позиции в пользу сохранения созданной силами ОГПУ сети «шарашек», мотивируя это двумя аргументами: значительная часть из них работает для нужд оборонных производств; другие обеспечивают «прорывные» работы для нужд той же промышленности и транспорта, кроме того, заключённые специалисты осуждены или находятся под следствием за «контрреволюционные преступления». Акулов пояснял, что «подавляющее большинство работ будут закончены в первой половине 1932 года, почему освобождение специалистов в данный момент особенно не целесообразно, тем более если учесть, что подавляющий процент работ носят оборонный характер»². Данная информация, переправленная Сталину, видимо, убедила последнего, который 14 сентября отправил из Сочи шифротелеграмму Кагановичу, посчитав «преждевременным передачу конструкторских бюро ОГПУ в ведение ВСНХ». Тем не менее запущенный механизм бюрократического торга продолжал действовать: хозяйственными ведомствами составлялись списки необходимых производству репрессированных специалистов, и охранительное ведомство шло на определённые уступки. Согласно информации руководства ОГПУ, за период с мая по ноябрь 1931 г было освобождено и передано хозорганам 1087 специалистов, около 200 чел. готовились к освобождению, а ещё на 700 чел. ведомства представили очередные списки³. Однако полностью уступить руководство ОГПУ

¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 23.

² Там же. Л. 2.

³ АП РФ Ф. 3. Оп. 58. Д. 143. Л. 15–16.

не собиралось. Из почти двух тысяч репрессированных специалистов были обозначены в качестве «неприкосновенного запаса» 423 специалиста уже задействованных в ОТБ/ОКБ и там, где намечалось достижение относительно быстрых практических результатов.

16 марта 1932 г. Политбюро приняло компромиссное решение, хотя в перспективе не в пользу ОГПУ: «Техническое бюро временно сохранить. Дать специалистам, находящимся в техбюро, закончить работу. Новых работ не начинать. Срок работы определить по соглашению Наркомтяжпрома и ОГПУ. По окончании работ передать занятых в них специалистов НКТяжпрому»⁴. Очевидно, что на данный исход конфликта в значительной мере повлиял более значимый аппаратный вес С. Орджоникидзе в ранге члена Политбюро. Охранительному ведомству удалось удерживать свои ОТБ/СКБ ещё на протяжении 1933 г., мотивируя это тем же аргументом о необходимости завершения производившихся работ. При этом по отношению к заключённым специалистам применялся простой приём для сохранения их в составе бюро: начиная с весны 1932 г. им одним постановлением объявлялось о досрочном освобождении от наказания, но далее «вредителям» объявлялось об их «закреплении» для работы там же, делая некоторые послабления в режиме содержания и снятия дискриминационных мер с членов их семей.

К причинам институциональной неустойчивости первых «шарашек», помимо уже обозначенных (отсутствие собственной производственной базы и необходимость «втискиваться» в действовавшие производства, постепенное освобождение специалистов), следует добавить, что девиантность «шарашек» вытекала из самой дисфункциональной экспансии охранительного ведомства в научно-техническую сферу: охранительность неспособна к созидательности. Возрождение института «шарашек» Л. Берией несколько лет спустя происходило в несколько иных условиях, но это принципиально не меняет данной несовместимости.

Следует ли считать ранние ОТБ/ОКБ результативной мобилизационной формой реализации научно-технического потенциала страны? Ответ отрицательный. Поясним свою позицию. Под социальной (включая сюда и интеллектуальную) мобилизацией нами понимается сверх(над)нормативное действие, продиктованное интересами институтов власти в требовательном формате, подразумевающее обязательность исполнения, меры поощрения и наказания. Реакция слоев и общностей социума на мобилизацию носит характер позитивный (самомобилизация), компромиссный (принятие) и негативный (непринятие). В основе позитивной мобилизации лежит принцип инициативности, заинтересованности и органичности в деятельности её участников. Индикатором данного явления служила высокая степень востребованности и занятости учёных в нескольких сферах – научной, образовательной, технологической, управленческой. Ключевые обвиняемые на процессе «Промпартии» – профессора Л. К. Рамзин, И. А. Калинин, Н. Ф. Чарновский, А. А. Федотов – преподавали в вузах, возглавляли отраслевые институты или участвовали в их деятельности, а также занимали руководящие посты в экспертных научно-технических структурах Госплана,

⁴ АП РФ Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 47.

ВСНХ и других наркоматов. Высокая востребованность, авторитет и репутация профессуры сами по себе порождали соответствующий этому тип самоотдачи, что следует квалифицировать как самомобилизацию. Соответственно, для данной профессиональной группы самоотдача являлась ценностью, не требовавшей диктата и воздействия извне, тем более в экстремальном, репрессивном формате.

Путём изучения списка репрессированных специалистов по т. н. делу «Промпартии» (1986 чел.) нами выделена корпоративная группа, имевшая профессорское звание (80 чел.) и занимавшая значимые управленческие должности в различных ведомствах. Среди них отмечена элитная категория (члены АН СССР на момент ареста и избранные в члены Академии в последующие после заключения годы): теплотехники М. В. Кирпичев, М. А. Михеев, Н. А. Доллежалъ, химики Е. И. Шпитальский и В. М. Родионов, конструкторы двигателей Н. Р. Брилинг и Б. С. Стечкин, радиофизик Д. А. Рожанский⁵. Будучи обвинёнными во «вредительстве» и принадлежности к организациям мифической «Промпартии», они были арестованы осенью 1930 г., осуждены на различные сроки заключения весной – летом 1931 г., а затем «прикреплены» к особым бюро с работой по своим специальностям. Исключением стал известный химик-органик В. М. Родионов, который, по некоторым сведениям, отказался от работы в ОТБ. Срок нахождения других в «шарашках» длился от года до трёх лет, в зависимости от подведомственности последних ОГПУ.

Примечательно, что в своих биографиях и анкетных данных они обывались указывать факты ареста и освобождения, но обходясь краткими формулировками: «Привлекался... восстановлен на работе» (Брилинг); «был заключён... освобождён без последствий» (Кирпичев); «находился под арестом... освобождён по окончании следствия (Доллежалъ)»; «арестован... освобождён досрочно» (Стечкин); «содержался... освобождён за прекращением дела» (Михеев)⁶. Не все из них указывали пребывание и свои должности в ОТБ (Кирпичников, Михеев), другие (Брилинг, Стечкин,), напротив, отмечали в автобиографиях результаты своей работы в «шарашке». Разработка последними различных видов двигателей для авто- и авиастроения приобрела своеобразную форму маркировки продукции. Двигатели назывались именами не конструкторов, как было принято, а руководящих деятелей страны и карательного ведомства: КОДЖУ (Коба/Джугашвили), ФЭД (Дзержинский), ЯГГ(Ягода), ПГЕ (Прокофьев). Н. Р. Брилинг позднее отмечал: «Построенные образцы были испытаны, но дальнейшее применение этих двигателей [оказалось] задержано»⁷.

Выводы. Ранние «шарашки» явились полем столкновения принципов экономической целесообразности и избыточной репрессивности. Следует учитывать, что труд учёных, конструкторов и инженеров протекал в экстремальных условиях разрыва от полутора до двух лет с доарестным жизненным миром (режимные ограничения в работе, интенсивность труда – десятичасовой рабо-

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. Р-42280. Т. 14. 222 с

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411. Оп. 3. ДД. 289, 305, 691; Оп. 4а. ДД. 147, 616.

⁷ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 147. Л. 12.

чий день, невозможность преподавать, поддерживать коммуникации и т. д.). Поэтому есть основания считать данный приобретённый научно-технической интеллигенцией опыт выживания (изоляция в тюрьме, затем полуизоляция в закрытых бюро при работе на производстве) безусловно негативным. То, что группа видных учёных, пройдя через заключение и работу в закрытых бюро, в последующем продолжила свою активную научно-техническую деятельность в избранных областях, получив научное и государственное признание (избрание в Академию наук, награды и премии), и работала в той же привычной для них, что и до ареста, парадигме самоотдачи, позволяет квалифицировать данный карательный эксперимент как механизм дисциплинирования применением наказания. Наказание не может быть по своей природе основой стимулирования труда, тем более интеллектуального.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильников С. А. Становление советских «шарашек» в начале 1930-х годов: причины, институты, персоны // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 74–83. DOI 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-74-83. EDN FXPMMB.
2. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М. : ОГИ, 2006. 240 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

Одобрена после рецензирования 30.05.2023. Принята к публикации 05.06.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Красильников Сергей Александрович

krass49@gmail.com

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

AuthorID РИНЦ: 71393

ORCID: 0000-0001-8366-6083

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.14

EARLY SOVIET FORCED LABOR CONSTRUCTION BUREAUS [‘SHARASHKAS’] AS AN EXPERIMENT OF COMBINING PROTECTIVE AND MOBILIZATION PRACTICES

Sergey A. Krasilnikov¹

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

For citation: Krasilnikov, S. A. (2023). Early Soviet Forced Labor Construction Bureaus [‘Sharashkas’] as an Experiment of Combining Protective and Mobilization Practices. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 2. P. 176–183. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.14.

Abstract. This paper analyzes the experience and practices of creating in the early 1930s under the auspices of the OGPU the first institutional form of exploitation of the intellectual potential of imprisoned specialists in the scientific and technical field in the form of special technical / constructor bureaus (OTB/OKB), or the so-called ‘*sharashkas*’. The phenomenon of the emergence of them and the reasons for the relative short-term nature of their existence in the structure of the security agency is considered from three positions: in the hierarchy of authorities and management, ‘*sharashkas*’ caused a conflict of interests of economic departments with punitive ones; on the institutional side, they did not have the potential for sustainability and prospects for development; on the personal side, the marginal status of prisoners that arose influenced the creative biographies of scientists. Despite the practice of reviving these bureaus in the future, we made a conclusion about the dysfunctional nature of their formation and activities.

Keywords: OGPU, sabotage [*vreditel'stvo*], bureaucratic conflicts, ‘*sharashkas*’, mobilization technologies, discipline by punishment

REFERENCES

1. Krasilnikov S. A. (2023). The formation of Soviet “sharashki” in the early 1930s: causes, institutes, persons. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. Vol. 78, no.1. P.74–83 (In Russ.).

2. Cordonsky S. G. (2006) *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii*. [Power markets. Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI publ. 240 p. (In Russ.).

The article was submitted on 20.03.2023.

Approved after reviewing 30.05.2023. Accepted for publication 05.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasilnikov Sergey *krass49@gmail.com*

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Sector of the History of Socio–Economic Development, Institute of History of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

AuthorID RSCI: 71393

ORCID: 0000-0001-8366-6083